

Улицы, исхоженные жизнью

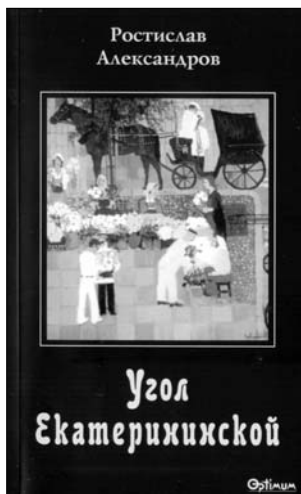
Книга пятнадцатая

"Угол Екатерининской" — новая, пятнадцатая книга Ростислава Александрова.

Многолюдная книга, густо населенная именами и фамилиями, сохраняющая подлинные одесские интонации, а не нестерпимо утрированные, потому и фальшивые, в современных подделках. Книга об одесских вывесках — фешенебельных магазинов, питейных заведений, лечебниц, аптек, мастерских модисток... О благоухающей цветами Одессе, идет ли речь о закладке ботанического сада, оранжерей, о первых акациях и фиалках, о цветочницах у дома Вагнера, на углу Екатерининской и Дерибасовской. Такая увлекательная, искрящаяся, полная любви и печали по безвозвратно утраченной Одессе.

Из 215 лет истории Одессы первые сто с лишним — годы, десятилетия расцвета успешного, свободолюбивого, открытого всему миру поистине европейского города. И вторые — почти сто лет — нелюбовь, мягко говоря, всех властей к этому "иному" городу, который забивали, как гвоздь, чтобы "не высовывался со своими одесскими штучками", чтобы не выделялся среди серости и убогости "лица необщим выраженьем". Столько лет попыток извести одесскую историческую память... Как же благодатна одесская почва, если несмотря на все ухищрения власть предержащих, не удалось окончательно вытравить из города его одесское начало, одесский дух. Гений места здесь неистребим.

А вот цитата: "В Одессе, как ни в каком другом украинском городе, высок уровень местного патриотизма. К такому выводу пришли специалисты Киевского института проблем управления имени Горшенина. Сегодня (11 июня 2009 года. — В. Г.) директор учреждения Кость Бондаренко провел в Одессе пресс-конференцию по поводу открытия филиала института. Ученый обнародовал следующие результаты опроса: 91,2% респондентов-одесситов гордятся тем, что родились в этом городе; 86,9% участников исследования связывают свое будущее с Одессой". Как говорится, без комментариев.

Судьба подарила мне счастливое знакомство, общение, дружбу со многими замечательными людьми. И длится эта радость долгие-долгие годы.

Более чем полвека назад я часто шла из школы с двумя мальчиками. Мы шли по Большой Арнаутской, потом по Гимназической, на углу прощались, мальчики отправлялись дальше — по Малой Арнаутской. Мальчики были из параллельного класса. Наш "маршрутный" союз давал повод для насмешек: "Смотри, опять идут Король, Королева, а между ними — Розенбойм!". У Бори действительно была фамилия Король, мою фамилию (Королёва) всегда переименовывали в Королеву. А настоящим королем стал со временем Александр Розенбойм. Королем одесситки. Одним из тех хранителей, собирателей одесской истории, к которым можно применить слова древней притчи: "Много званых, но мало избранных". Эта плеяда "мало избранных" начиналась с Александра Михайловича Дерибаса, Доротеи Атлас и прумножилась известными именами наших замечательных современников, Розенбойм из этого прекрасного содружества.

Когда у него пробудился интерес, переросший в страсть, в "высокую болезнь" ко всему, что связано с Одессой, не знаю. Может, когда впервые прочитал катаевский "Белеет парус одинокий", может, когда впервые прочитал Бабеля, прочитал у Багрицкого "Ранним утром я уйду с Дальницкой..." или же у Ильфа и Петрова — "Вся контрабанда делается в Одессе на Малой Арнаутской...". А он сам, Саша Розенбойм (это потом он не по своей воле возьмет литературный псевдоним — Ростислав Александров) живет всю свою жизнь на этой прославленной Малой Арнаутской. Пройдет много лет и, наконец, будет издана в Одессе, может, самая сокровенная книга о нашем городе — "Пятеро" Владимира (Зеева) Жаботинского. Мне кажется, что взволнованное, щемящее чувство любви и восхищения при чтении этой книги было усилено и теми нашими знаниями о бывшей Одессе, которыми делились с нами те — из "мало избранных", среди них — Александр Розенбойм.

А может, начало положено было еще в школе? Саща Розенбойм рассказывает, как к ним в класс однажды пришел человек, рассказавший, что эту школу — 101-ю — он окончил сорок лет назад. Правда, тогда это была еще гимназия Панченко. Пятнадцатилетнего мальчика поразил срок — сорок лет назад! И запало в душу — гимназия Панченко! Саша и мне поведал, что мы учились в бывшей гимназии Панченко. А я, в свою очередь, помнила, как сразу после войны и в 101-й, и в 90-й школах на Большой Арнаутской были госпитали, как выходили подышать на улицу раненые...

Конец пятидесятих годов. Все читают Константина Паустовского. Его книга "Время больших ожиданий" стала, как теперь бы сказали, "культовой". Я вспоминаю, как в Эрмитаже разговорилась с питерским мальчиком. Узнав, что я одесситка, он закричал: "Ребята, человек из Одессы!". Такая невероятность, как будто из гриновского Зурбагана! Его друзья обступили меня и, цитируя Паустовского, расспрашивали об Одессе. И потом в общежитии Ленинградского университета при слове "Одесса" многие расплывались в улыбке. Иностранцы же, жившие там же, еще добавляли: "О, Одесса! Бабель!"...

Вот эту легендарную Одессу всю жизнь и сохраняет для нас Александр Розенбойм.

Название одной из его книг — "Исхоженные детством" — навеяно Бабелем: "Из окна летели прямые улицы, исхоженные детством моим и юностью, — Пушкинская тянулась к вокзалу, Мало-Арнаутская вдавалась в парк у моря".

Каждая из книг Ростислава Александрова — Александра Розенбойма, не говоря уже о великом множестве статей, начиная с первых публикаций более сорока лет тому назад в "Комсомольской искре", многочисленных телепередач, выступлений на заседаниях секции книголюбов Дома ученых, начиналась на этих исхоженных в течение всей жизни одесских улицах. Мне кажется, что нет в Одессе не только улицы, но двора, подъезда, парадного, где не прошел бы, куда не заглянул бы, не заметил бы уцелевшие следы былого или с горечью не обнаружил еще одной утраты — в границах Одессы времен порто-франко, на Молдаванке, на Ближних и Дальних Мельницах, на Пересыпи. Он исходил улицы и дворы, крытые плитами знаменитой голубовато-серой итальянской лавы и камнем-"дикарем", блестящие булыжники Французского бульвара и Пушкинской, потом почти все это накрыл асфальтовый каток. Ездил в открытых "пульмановских" вагонах по исчезнувшим маршрутам трамваев — Первому, Двадцать третьему, Четвертому... Он встречался с сотнями людей, не только в Одессе, но в Москве, в Ленинграде, в других городах огромной страны — со знаменитыми писателями и теми, кому посчастливилось быть если не участниками, то хоть скромными свидетелями "времени больших ожиданий". Невозможно перечислить всех, но они все остались на страницах книг Александра Розенбойма. Он ввел их в историю и литературу.

Что уж говорить о кропотливых поисках в архивах, в библиотеках Одессы — в Публичной и Университетской. Дружба с библиографами, та-

кими знатоками, как Ольга Юдовна Ноткина и Виктор Семенович Фельдман. Дружба со старшими по возрасту коллекционерами, знатоками старой Одессы.

В Одессе есть несколько известных музеев, куда приходят многочисленные посетители. Но Александр Юльевич Розенбойм сам по себе музей — музей истории Одессы. Этот музей в его голове, в его памяти, в его сердце. Как каждый музей, он устраивает "выставки" — пишет книги, статьи.

В сентябре этого года у автора полюбившихся многим пятнадцати книг — юбилей. Мы ждем следующих пятнадцати книг. Саша, не подведи!

И еще. Не удивлюсь, если встречу в Интернете восхищенный отклик на книгу Розенбойма, написанный на молодежном интернетовском сленге — "албанском" языке: "Аффтар, зачот, пиши исчо!".

